

Hollywood

Charles Bukowski

Голливуд

Чарльз Буковски

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Чарльз Буковски не стремился до неузнаваемости зашифровать всех действующих лиц своего документального романа. В некоторых фамилиях он изменил всего лишь одну букву, чтобы непроявленный персонаж все же был опознан. Так, легко угадываем режиссер и продюсер Френсис Форд Лопалла, особенно если вспомнить, что в титрах «Пьяни» упоминается компания «Зоетрон», любимое детище Ф. Ф. Копполы. Столь же узнаваем «известный немецкий режиссер» Вернер Зергог и француз с густыми бровями, заводящий беседу о субтитрах к своему фильму, Джон-Люк Модар. (Можно оценить анаграммность в кодировке интеллектуально-изоциренного Вернера Херцога и перевод французского имени Жан в американское Джон — намек на слабость Ж.-Л. Годара к американскому кино.)

Под именем же самого любимого автором персонажа Джона Пинчота скрывается Барбет Шредер. Это его документальный фильм об угандийском диктаторе Иди Амине Дада описывает Генри Чинаски. И наконец, главному герою книги Буковски подарил имя, которым называли его друзья, — Хэнк, а дра-

Чарльз Буковски

жайшая Сара — это, конечно, его жена Линда, бывшая актриса, державшая потом ресторанчик и делившая с мужем склонность к калифорнийскому красненькому. Под именем Франсуа Расина угадывается Гарри Дин Стэнтон, ставший в романе французом, потому что снялся у Вима Вендерса в фильме «Париж, Техас».

Через пару дней позвонил Пинчот и сказал, что ему нужен сценарий. Не заедем ли мы пови-даться?

Он объяснил, как его найти — жил он в незнако-мом месте, в какой-то Марина-дель-Рей, — и мы се-ли в наш «фолькс».

Спустившись к гавани, мы поехали вдоль дебар-кадера. По палубам шныряли рыбаки, которых мож-но было узнать по их робам. Впрочем, большинство из них не обременяли себя трудами ради хлеба насущ-ного. Ибо таковы они были — избранники Божьи на земле вольных людей. А на мой взгляд, лихие раздол-баи. Но им на мое мнение, конечно, наплевать.

Мы свернули направо, миновали док и поехали по улицам, обозначенным фантастическими назва-ниями в алфавитном порядке. Нашли нужную нам, свернули налево и въехали во двор, расположивший-ся прямо на берегу. Отсюда открывался вид на оке-ан, которым можно было любоваться в уверенности, что тебя не накроет волна. Прибрежный песок казал-ся тут невиданно чистым, вода — голубей голубого, а бриз — ласкающим.

— А знаешь, — сказал я Саре, — ведь мы с тобой угодили прямо в рай. Но что-то меня с души воротит.

— Поменьше обращай внимания на свою душу. Наш «фолькс» не нуждается в том, чтобы его запырили. Никто в мире, кроме меня, не способен его завести.

Я постучал в дверь.

Дверь отворили изящным жестом, и в нос сразушибануло артистизмом, пропитавшим каждую черточку человека, который стоял на пороге. Сразу было видно, что этот парень рожден, чтобы Творить (с большой буквы), Творить великое, и в его мире нет места мелочам жизни вроде зубной боли, неуверенности в себе и какой-нибудь вшивой удачи. Словом, он выглядел как самый настоящий гений. А я похож на подавальщика из занюханной пивнущки и потомотаких типов всегда завожусь.

— Мы из прачечной, за грязным бельем,— сказал я.

— Не обращайтесь на него внимания,— вмешалась Сара.— Нас пригласил Пинчот.

— А-а,— протянул хозяин.— Прошу.

Мы было последовали за ним, но он вдруг остановился, обернувшись к нам, демонстрируя свой лучший ракурс, и гаркнул так, словно его должен был услышать весь свет:

— Мне пора выпить ВОДКИ! — и шмыгнул в кухню.

— Джон вчера о нем говорил,— сказала Сара.— Его зовут Поль Ренуар. Он пишет оперы и музыку к фильмам-операм. Ужасно авангардистскую.

— Мне не легче, если моя барабанная перепонка пострадает от глотки гения.

— Какие нежности при нашей бедности! Не все такие деликатные, как ты.

— Вот именно. Но это их проблемы.

— Ты боишься жизни — у тебя это на лбу написано.

— Жаль, я сам до этого не допер.

Появился Поль с выпивкой. Выглядело это шикарно: в стакане светился ломтик лайма, и Поль теребил его стеклянной палочкой для коктейлей. Классно.

— Поль, — поинтересовался я, — а нет ли в доме еще чего-нибудь выпить?

— А, извините, — сказал он. — Угощайтесь, пожалуйста.

Сара сориентировалась первой. Я вошел в кухню следом за ней. Кухня была сплошь заставлена бутылками. Пока Сара присматривалась, я открыл банку пива.

— Начать лучше с чего-нибудь полегче, — предложила моя добрая женушка. — Знаешь ведь, как бывает, когда ты чересчур наберешься.

— Умница. Давай дернем винца.

Я нашел штопор и выбрал бутылку красного.

Мы прилично угостились, потом снова налили по стаканчику и вышли к хозяину. У нас была семейная шутка: мы с Сарой разыгрывали из себя Зельду и Скотта*, но потом бросили, потому что Саре не нравилось, как Зельда кончила, а мне — как Скотт писал. В общем, этот юмор не пошел.

Поль Ренуар стоял у зеркального окна и высматривал что-то в Тихом океане.

— Джон задерживается, — объявил он, обращаясь к оконному стеклу и океанской волне, — но он

* Буковски имеет в виду Ф. Скотта Фицджеральда и его жену. (Прим. переводчика.)

велел передать, что непременно будет и чтобы вы его дождались.

— Отлично, крошка.

Мы с Сарой сели, держа в руках стаканы. Смотрели на его кроличьи щеки. Он смотрел на океан. И, кажется, что-то мурлыкал.

— Чинаски, — начал он. — Я прочел многое из того, что вы написали. Все это дерьмо собачье. Вам хорошо удается...

— Благодарю. Мы-то знаем, кто хорош без всяких оговорок. Это вы.

— А-а, — протянул он, не отрывая глаз от океана, — очень мило с вашей стороны отдать должное...

Дверь без стука распахнулась, вошла молодая девушка с длинными черными волосами и тут же как кошка растянулась на тахте.

— Меня зовут Попппи, — сказала она. — Через четыре «п».

— А мы Скотт и Зельда.

Меня шарахнуло в ностальгию.

— Уймись, — буркнула Сара.

Я назвал наши настоящие имена.

Поль оторвал взор от океана.

— Попппи — одна из тех, кто раскручивает ваш сценарий.

— Я еще ни слова не написал, — сказал я.

— Так напишите.

— Вы хотите сказать «не напишете ли?!»

Я взглянул на Сару и поиграл своим пустым стаканом. Сара, умница, взяла его и удалилась на кухню. Она понимала, что, если бы пустила туда меня, я не ушел бы, не продегустировав все имеющиеся там напитки, и тогда уж точно пошел бы вразнос.

Вскоре выяснилось, что Попппи именовалась еще «принцессой из Бразилии». Как новичку, она отстегивала мне десять тысяч. Негусто. Но эти деньги покрыли бы часть арендной платы за дом и еще кое-что осталось бы на выпивку.

Принцесса, по-кошачьи изогнувшись на тахте, послала мне взгляд.

— Я вас читала. Вы забавный.

— Спасибо.

Я посмотрел на Поля.

— Слышь, сынок, я забавный!

— Вы достигли определенного уровня... — ответил он и шмыгнул на кухню, откуда как раз вышла Сара с нашими стаканами. Она села рядом со мной и ткнула меня в бок.

И тут меня осенило: можно сделать вид, будто я зашел за сценарий, и наведываться в Марина-дель-Рей посасывать халявное виски. Но не успел я как следует отвязаться от этой сладостной грезы, как снова распахнулась дверь и на этот раз вошел Джон Пинчот.

— А, вы тут!

— Ага, — сказал я.

— Ну, вроде все на мази. Тебе остается только написать сценарий.

— Но на это уйдут месяцы.

— Это конечно.

Тут вернулся из кухни Поль с какой-то подозрительной смесью для принцессы. Пинчот пошел за своей порцией.

Так началась первая из наших многочисленных встреч, которая, как и последующие, вылилась в пьянку по-черному. Мне это было необходимо, чтобы поверить в свои силы, потому что вообще-то я пишу сти-

хи да рассказы. Писать сценарии всегда казалось мне дурацким занятием. Но в эту идиотскую ловушку попадались люди и поумней меня.

Джон Пинчот со стаканчиком в руке подсел ко мне.

Это был бесконечный вечер. Все говорили и говорили, не знаю даже о чем. Мы с Сарой так набрались, что ни один из нас не мог сесть за руль. Нам любезно предложили остаться на ночь.

В спальне, не зажигая света, Сара разлила по стаканам остатки красненького и спросила:

— Ты в самом деле собираешься писать сценарий?

— Черта с два, — ответил я.

Дня через три-четыре Джон Пинчот позвонил снова. Он был знаком с Денни Сервером, молодым режиссером и продюсером, у которого имелась своя студия в Венеции. Денни разрешил нам посмотреть у себя в проекционной документашку Пинчота «Зверь смеющийся» — об одном черном диктаторе, который залил свою страну кровью. Мы договорились, что встретимся у Пинчота, выпьем для разгону и отправимся на студию.

Джон открыл дверь, мы с Сарой вошли. Джон был не один. В комнате оказался какой-то парень. У него были необычные волосы — белокурые с сединой. А лицо розовое, даже красноватое. Глаза круглые и голубые, совсем круглые и очень голубые. У него был вид школьника, который собирается отколоть какой-то дьявольский номер. Как я потом убедился, у него всегда был такой вид. Чистый джокер.

— Франсуа Расин, — представил его Джон. — Он снимался у меня и у других режиссеров.

— Причем другие мне платили, — с поклоном отозвался Франсуа.

Джон пошел за выпивкой.

— Извините, — сказал Франсуа, — я сейчас освобожусь.

На столе рядом с ним красовалась электрическая рулетка, колесо которой приводилось в движение нажатием кнопки. Рядом лежали стопки фишек и длинный лист бумаги, заполненный цифрами. Еще была доска для записи ставок. Франсуа сделал ставку, нажал кнопку и сказал:

— Вот моя леди Вертушка, в которую я влюблен. Вошел Джон с выпивкой.

— Если Франсуа не играет, он либо тренируется, либо думает об игре.

Колесо остановилось, Франсуа сгреб выигрыш.

— Я изучил закономерности вращения колеса, — сказал он, — и куда бы ни упал выигрыш, я всегда угадываю.

— Система замечательная, — вставил Джон. — Жаль, что она не срабатывает в казино.

— Меня переигрывает Смертельное Желание, — объяснил Франсуа.

— Хэнк играет на тотализаторе, — сказала Сара. — Ставит на лошадей. Приезжает на все скачки.

Франсуа взглянул на меня с интересом.

— На лошадей, значит! И выигрываете?

— Хочется думать...

— Надо как-нибудь и нам попробовать.

— Обязательно.

Франсуа опять занялся рулеткой, а мы сели рядышком со стаканами в руках.

— Он выигрывает и просаживает сотни тысяч, — сказал Джон. — И вспоминает о том, что он актер, только когда проигрывается в пух.

— Резонно, — заметил я.

— Кстати, — продолжил Джон, — я разговаривал с продюсером Гарольдом Фезантом, и он очень заинтересовался твоим сценарием. Готов войти в дело.

— Гарольд Фезант! — воскликнула Сара. — Я о нем слышала. Он ведь один из тузов в этом бизнесе.

— Правильно, — подтвердил Джон.

— Но ведь никакого сценария еще нет, — напомнил я.

— Чепуха. Он тебя знает. И готов с нами работать.

— Что-то не верится.

— У него нюх, он зря денежки не вложит.

Джон опять отправился за новой бутылкой.

— Может, тебе все-таки написать этот сценарий? — шепнула Сара.

— Ты что, забыла, до чего это довело Скотта Фицджеральда?

— Ты же не Фицджеральд.

— Слава богу, нет. Но тебе известно, что он из-за этих сценариев бросил пить? И это его доконало.

Франсуа по-прежнему торчал у рулетки. Вошел Джон с очередной бутылкой.

— Разопьем еще одну и вперед.

— Лады, — сказал я.

— Эй, Франсуа, ты с нами? — спросил Джон.

— Ах, нет, простите бога ради, мне тут кое в чем надо разобраться...

Проекционная была очень славненькая. Перед входом разместился бар с длинной стойкой, за которой стоял бармен. Механик уже сидел в будке. Денни Сервер отсутствовал.

К стойке приклеились человек семь-восемь. Черт знает кто такие. Я взял водки, а Сара пила что-то то

ли малиновое, то ли серое, то ли серо-буро-малиновое. Джон помогал механику заправить фильм. Я заметил, что один парень на табурете с краю нахально на меня пялится. Причем упорно.

— А вы кто такой? — спросил я.

Он помолчал, отхлебнул своего пойла и ответил:

— Я прямо сгораю со стыда, произнося это слово, но... я, видите ли, режиссер.

Так я познакомился со знаменитым немецким режиссером Веннером Зергогом. Он был слегка шизанутый, как говорится, сдвинутый по фазе и обожал вытворять черт-те что со своей жизнью, да и с чужими тоже.

— Могли бы найти занятие получше, — сказал я.

Тут появился Джон.

— Пошли, начинаем.

Мы с Сарой вошли в проекционную. Кое-кто из бара потянулся за нами, в том числе Веннер и его подруга. Мы уселись, и Джон сказал:

— Там в баре сидел Веннер Зергог. На прошлой неделе они с женой устроили перестрелку, целили друг в друга, пока пушки не разрядили, но не попали.

— Надеюсь, в кино он удачливее.

— О да.

Свет погас, и экран заполнил «Зверь смеющийся».

Лидо Мамин был масштабным человеком и в физическом плане, и в плане амбиций, а его страна — маленькой и бедной. Зато с большими странами он играл на обе руки, продавая и перепродавая любой товар — от валюты до оружия. В глубине души ему хотелось ни много ни мало, как править миром. Этот чертов ублюдок обладал потрясающим чувством юмора. Он допер до того, что жизнь гроша ломаного не

стоит — если, конечно, речь идет не о его собственной. В его владениях всякого, кому случалось вызвать хоть малейшее подозрение в нелояльности, тут же топили в речке. И в ней плавало столько трупов, что крокодилы обожрались и глядеть в их сторону не хотели.

Лидо Мамин обожал сниматься. Пинчот заснял на пленку, как Мамин перед камерой инструктирует своих людей. Его прихвостни сидели и дрожали, а он задавал вопросы и скалился, обнажая желтые зубы. В редкие минуты, когда Мамин никого не убивал или не приказывал убрать, он трахался. У него было больше дюжины жен, а всех детей он и запомнить не мог.

Пока шел инструктаж, улыбка время от времени слетала с его губ и лицо превращалось в маску бога, который мог все. Он чувствовал страх своих центурионов, наслаждался этим страхом и пользовался им.

На этот раз инструктаж обошелся без смертельных исходов.

Потом он созвал со всей страны врачей. Он собрал их в центральной больнице, в просторной операционной. Они расселись вокруг него, и он начал речь. «Хоть вы и доктора, — вещал он, — но без меня вы дерьмо. Вы думаете, будто чего-то знаете, но это пшик. Натаскали вас кое в чем, вот и все. Так направьте ваши ничтожные знания на благо нашей страны, а не на пользу самим себе. Мы живем в мире, где прав тот, кто выжил. Я научу вас, как пользоваться хирургическим инструментом и как распорядиться жизнью. Будьте благоразумны и не перечьте моей воле. Я не желаю, чтобы ваше образование и навыки пошли прахом. Вы знаете только то, чему вас обучали. А я знаю